

© М. Ферри

КУЛЬТУРА УТРАТЫ И ТРАГИЧЕСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Ключевые слова: Грузия, мужская дружба, мужской этос, гостеприимство, уличная культура, уличное насилие, трагическая маскулинность, культура утраты, *дзмакацеби*

Постсоветский кризис в Грузии повлек за собой рост уличного насилия, а также распространение алкоголизма и наркомании — особенно уязвимыми перед лицом этих проблем оказались мужчины. “Культура утраты”, характерная для всей неблагополучной части грузинского общества и служащая материалом для построения межличностных связей, особенно ярко проявляется в переосмысленной маскулинности с ее экзальтацией проблем, героизацией трагических мужских судеб и возведением мужской дружбы в ранг социальной необходимости. Кризис повлек за собой изменение семейных порядков и домашней экономики, которое было бы невозможным без пересмотра принципов и моральных ориентиров, определяющих гендерные роли. В настоящей статье я остановлюсь только на мужском этосе и его “трагическом” измерении. Сначала я обращусь к изменениям мужского этоса в постсоветской Грузии на примере персонажей, признаваемых “типичными грузинскими мужчинами”. Затем я рассмотрю их отдельные черты, сформировавшиеся как ответ на социально-экономические трудности 1990-х годов, особенно сильно затронувшие мужчин. Наконец, я остановлюсь на формах социального взаимодействия, соответствующих этосу *трагической маскулинности*, т.е. на мужской дружбе.

Мы все те же. У нас те же проблемы, те же разговоры, те же слова. Может, быть мы прокляты. Ну и что с того? Это такое прекрасное чувство...
(Интервью с Малхазом. Тбилиси, 13 ноября 2013 г.)

Ноябрь 2012 г. В квартире старого Тбилиси 20-летний Ираклий сидит на диване в гостиной и курит. Локти уперты в колени, голова повернута в сторону, взгляд устремлен в пустоту. С каждой затяжкой сигареты он тяжело вздыхает, а пепел привычным небрежным жестом стряхивает на подоконник. Его непроницаемое лицо и слегка нахмуренные брови выражают скорее глубокую озабоченность, чем грусть. Однако заботит Ираклия отнюдь не какая-то конкретная проблема: мысли, которыми он поглощен, столь же неопределенны, сколь неотвязны. Как я поняла позже, в них заключен целый мир мужских страданий.

Ниже я попытаюсь разобраться в этом моральном универсуме и понять, как он связан с потрясениями, которые переживает грузинское общество после распада СССР. Я хочу показать, что “культура утраты” (Ferry 2018), характерная для всей

Маруся Ферри | <https://orcid.org/0000-0002-5816-6682> | maroussia.ferry@gmail.com | доктор антропологии, преподаватель-исследователь | Высшая школа социальных исследований (2 rue de la Charité, Marseille, 13002, France)

Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 161–176. <https://doi.org/10.31857/S086954150009608-8>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

неблагополучной части населения и служащая материалом для построения межличностных связей, особенно ярко проявляется в переосмысленной маскулинности (с ее экзальтацией проблем и героизацией трагических мужских судеб), возвышающей мужскую дружбу в ранг социальной необходимости кризисного периода. Этос *трагической маскулинности* вырастает из специфических трудностей, с которыми сталкиваются мужчины в постсоветской Грузии. Речь идет о комбинации нескольких составляющих, но прежде всего — о непреложном факте: после распада Союза в стране существенно вырос уровень алкоголизма, наркомании и уличного насилия, и особенно уязвимыми перед лицом этих факторов оказались мужчины. Отсюда и гораздо более мужской уровень самоубийств среди мужчин. Еще одна составляющая — это суждения о “мужской несостоятельности”, исходящие в первую очередь от женщин. Хотя термин принадлежит мне, он тем не менее обобщает и перефразирует неоднократно слышанные мной высказывания, характеризующие мужчин как “ленивых”, “нечестных”, “слабых” или “не заслуживающих доверия”. В свою очередь, все это вместе взятое повлекло за собой глубокую трансформацию структуры семьи.

В 1991 г. все постсоветское пространство охватили серьезные потрясения. В Грузии за распадом Союза и обретением независимости последовали банкротство государства, две сепаратистские войны и одна гражданская, а также глубокое обнищание населения. Экономическая катастрофа привела к изменению конфигурации взаимозависимостей, в т.ч. семейных, на фоне практически полного разрушения системы социальной защиты и тотальной задолженности населения. Поэтому принятие тех или иных решений, направленных на выживание или на создание семьи, зависело от сроков выплаты долгов, от миграционных намерений, а также от сочетания различных материальных и моральных проблем (Ferry 2019). Таким образом, постсоветский кризис в Грузии повлек за собой изменение семейных порядков и домашней экономики, которое было бы невозможным без пересмотра принципов и моральных ориентиров, определяющих гендерные роли. Гендерные этосы, мужские и женские, должны были измениться, чтобы соответствовать тем практикам, которые были вызваны к жизни бурными потрясениями. В настоящей статье я остановлюсь только на мужском этосе и его “трагическом” измерении.

Я использую определение, предложенное Пьером Бурдьё, согласно которому этос — это “...систематизированный набор этических положений и практических принципов” (Bourdieu 2002 [1981]: 133). Практическое измерение здесь важно потому, что оно противопоставляет *этос*, как его понимает Бурдьё, *этике*, которую он определяет как “специально согласованную систему ясно выраженных принципов” (Ibid.). Другими словами, этос может быть обозначен как *практическая мораль*, под которой подразумеваются соответствующие практики и установки, не обязательно сопровождаемые и поддерживаемые идеальными принципами.

Сначала я обращусь к изменениям мужского этоса в постсоветской Грузии на примере персонажей, признаваемых “типичными грузинскими мужчинами”. Затем я рассмотрю их отдельные черты, сформировавшиеся под влиянием социально-экономических трудностей 1990-х годов, особенно сильно затронувших мужчин. Наконец, я остановлюсь на форме социального взаимодействия, соответствующей этосу *трагической маскулинности*, т.е. на мужской дружбе. Связанные с ней ценности и практики не являются специфическими для постсоветского периода, однако, как мы увидим, она приобрела компенсационную функцию и характер императива именно в ходе социально-экономического кризиса, переживаемого Грузией после распада СССР.

Этнографическое исследование, на котором основана статья, включало несколько длительных полевых выездов в период с ноября 2011 по октябрь 2015 г. В общей сложности я провела в Грузии полтора года, в основном в Тбилиси, но также в Кутаиси и, наездами, в Рустави и Батуми. Мои респонденты составляют шесть групп родственников и знакомых. Я жила среди четырех из них и регулярно посещала две

другие. Со многими из тех, с кем я вместе жила, участвовала в различных событиях и вела долгие беседы, я не записывала формальных интервью, но полученные в результате сведения, наряду с непосредственными наблюдениями, стали важным для моего исследования источником.

Почти все мои респонденты – горожане. В основном они принадлежат к обедневшему и не имеющему постоянной работы большинству населения Грузии. Эти две общих характеристики очень важны для интерпретации полученных результатов. Напротив, социальное происхождение опрошенных различно: среди них выходцы из советской интеллектуальной элиты, массовой интеллигенции (учителя, инженеры), из среды рабочих и мелких служащих.

Безусловно, моя выборка не может считаться статистически репрезентативной даже для городского населения. Тем не менее она очень хорошо иллюстрирует социальные представления и раскрывает механизмы, существующие в этой среде.

Все имена, приводимые в тексте, изменены. Чтобы избежать возможного узнавания, указан приблизительный возраст респондентов на момент окончания исследования (2015 г.).

Этос трагедии

Мои этнографические наблюдения показали, что в среде наиболее уязвимых категорий грузинского населения наблюдается экзальтация проблем, связанных с кризисом, мобилизованная в практиках солидарности и восстановления доверительных отношений (Ferry 2018).

Лику аномальности. Именно в этой галактике валоризации страданий возвышаются и встраиваются в некую трагическую эстетику 1990-х годов мужчины с “отклоняющимся” поведением. Например, Малхаз назвал мне несколько имен “знаменитых наркоманов” 1990-х годов, ныне уже покойных. Я думала, что речь идет о каких-то рок-музыкантах или наркоторговцах. Ничего подобного. Эти “знаменитые” и вызывающие у многих восхищение мужчины не были ни теми, ни другими: они были “просто” наркоманами. Когда я спрашивала у Малхаза, а потом и у других собеседников, что же сделало их знаменитыми, они не находили ответа. Малхаз, впрочем, попытался:

Видишь ли, не знаю, как тебе сказать... У них был стиль. В их манере уважительного обращения, в их готовности биться насмерть за своих *дзмакацеби*, в их юморе, в том, как они принимали наркотики. Они классно это делали! (смеется) Я сам ни с одним из них не был знаком, но мы были в курсе всех их историй. Такой-то чуть не умер от передоза, такого-то арестовали, и он черт-те чего наговорил полиции, такого-то видели у церкви молящимся “под кайфом”... Хотя ...среди моих друзей были такие же, но они не были известными. В общем, я не знаю. (Интервью с Малхазом. Тбилиси, 17 ноября 2013 г.)

Ника говорил примерно о том же, но особенно подчеркивал “абсурдность” такой репутации. Эти персонажи, будь они наркоманами или криминальными элементами, выполняют интегративную функцию, придавая силу и достоинство мужественности, потерявшей в глазах многих – в первую очередь женщин – свой статус в обществе. Данная функция имеет большое символическое значение, поскольку она действительна и за пределами того круга, для которого характерно девиантное поведение (употребление тяжелых наркотиков, воровство, азартные игры, насилие и т.п.).

Но вернемся к Ираклию, который в 2012 г. в свои 20 лет жил в “убитой” квартире в старом Тбилиси со своей подругой Кето и матерью Лелой, недавно возвратившейся из поездки в Турцию. Ираклий работал на местном телеканале и свою небольшую зарплату отдавал матери для уплаты ее долгов. Манера поведения Ираклия, его внешний

облик: одежда, движения, жесты, все вплоть до семейных и дружеских связей — являют собой красноречивый пример успешной демонстрации грузинской маскулинности, включающей в себя культурные элементы “девиантности”, хотя сам он далек от тех практик, которые с этими элементами ассоциируются.

Быть “типичным грузином”

По мнению Кето, Ираклий является “типичным” образцом грузинского мужчины. Она говорила мне об этом со странной смесью нежности и усталого порицания. Не будучи, впрочем, абсолютно уверенной в “типичности” Ираклия, иногда она поправляла себя: “Нет, все же он немного другой”. Однако в иных ситуациях, например когда Ираклий запрещал ей пойти в ресторан или вставал на сторону своей матери в конфликтах между двумя женщинами, ее мнение снова менялось: “Я думала, что он не такой, как все, но ничего подобного: действительно, типичный грузинский мужчина!”. Не утверждая, что Ираклий или кто бы то ни было другой может быть “типичным грузином”, следует признать, что существует определенный “тип” мужчины, являющийся для многих грузин референтным. Ираклий пытался соответствовать, не без труда, этому таинственному идеалу, который должен был возвысить его в глазах друзей-мужчин, братьев, матери и, не столь однозначно, в глазах Кето. Заметим, что в представлении многих грузин и грузинок “типичность” грузинского мужчины есть свойство внеисторическое, соответствующее скорее (предполагаемой) реифицированной этничности. На самом деле большая часть черт, составляющих этот “тип”, такие как ценность, придаваемая мужской дружбе, щедрость, а также определенный цвет одежды и им подобные, существовала и в советское время. Однако я покажу, что они были переосмыслены под влиянием кризиса 1990-х годов и, хотя не были принципиально изменены, все же оказались наделены особым содержанием, связанным с этим историческим периодом.

У Ираклия хорошие данные для того, чтобы походить на “настоящего грузинского мужчину”. Артистическая внешность, правильные и четкие черты лица, черные волосы и бледная кожа делают его облик почти идеальным в глазах грузинских женщин. По словам Кето, красота Ираклия стала одной из причин того, почему она приняла его ухаживания, поскольку сразу же “почувствовала”, что перед ней “настоящий грузинский мужчина”. “Если бы он не был так красив, — добавила она с улыбкой и безнадёжным вздохом, — я бы дала ему от ворот поворот”. Ираклий, как многие молодые грузины, одевается исключительно в темное, за исключением джинсов. Ника, архитектор по профессии, весьма критичный по отношению к своим современникам — как к бывшей интеллигенции, пытающейся “хорошо выглядеть”, так и к молодежи, усвоившей уличную культуру 1990-х, — признался, что его ужасают молодые люди, одетые исключительно в черное: “Траур у них, что ли? Никакой тебе оригинальности, выдумки”. Тех, кто одевается более ярко, он называет “пестрым поколением” (*чрели таоба*) и связывает с ними надежду на будущее Грузии.

В одежде Ираклия была, однако, одна деталь, которая предвещала, что в будущем он войдет в круг людей искусства. Вместо облегающих курток из кожзаменителя или анораксов, в которые в основном одеваются как грузинская молодежь, так и люди среднего возраста, он носил объемные просторные куртки, тоже черные, но как будто лучшего качества, неформального, спортивного стиля, свойственного скорее интернациональной городской моде, нежели местной. В конечном счете его манера одеваться была попыткой совместить “униформу” мужского большинства со стремлением следовать моде, отличающим артистическое и интеллектуальное меньшинство Тбилиси, к которому на момент исследования он не принадлежал. Не только физическая красота, но и весь облик Ираклия, несколько выделяющийся на фоне “типичных грузинских мужчин”, произвел впечатление на Кето:

Знаешь, я сразу поняла, как только он заговорил со мной в баре, что он такой, как все, к тому же я видела, кто его друзья. Но все же он немного отличался от остальных, хотя бы тем, что одет был более круто. Какая же я глупая, что купилась на это! (смеется) (Интервью с Кето. Тбилиси, 27 ноября 2012 г.)

Поведение Ираклия, его самопрезентация также были ориентированы на соответствие идеалу грузинского мужчины. Несмотря на замечания Кето, я поняла это только после месяцев наблюдения и множества встреч в разных обстоятельствах, которые позволили мне расшифровать некоторые коды современной грузинской маскулинности, вычленив ее составляющие и в итоге обнаружить, какие черты мужчины перенимают друг у друга и какие отторгают. Ираклий производил впечатление человека мрачного и гордого, но при этом любезного и услужливого. Последние качества были продиктованы не столько требованиями вежливости, сколько желанием продемонстрировать свою “широту”. Щедрость, чтобы не сказать – мотовство, в определенных ситуациях, связанных с тратой денег (например, при оплате счета в ресторане, такси, покупке билетов на культурные мероприятия и т.п.), является социальной нормой, которой должны следовать мужчины. Эта норма связана с более общей установкой не считаться ни с собственным временем, ни с самим собой в проявлениях альтруизма и любезности. Как и деньги, альтруизм и любезность приносятся в дар с демонстративной нерасчетливостью. Такое поведение, впрочем, предписано не во всех случаях. В частности, на людях чрезмерная любезность может восприниматься как признак слабости. Однако при общении со знакомыми мужчина должен всем своим видом – включая выражение лица, улыбку, жесты, дружеские прикосновения – демонстрировать готовность к дару (как по отношению к женщине, так и к другому мужчине).

Мрачность Ираклия, о которой я упоминала выше, проявлялась в моменты, когда он надолго умолкал, и выражалась в опущенном взгляде, прищуренных глазах и нахмуренных бровях. Все эти “жесты” не были адресованы ни матери, ни Кето, в общении с которыми он нечасто демонстрировал свое плохое настроение. Моменты меланхолии он переживал в основном в одиночестве. Иногда он разделял их с ближайшими друзьями, с которыми мог подолгу курить и выпивать практически молча, грустно глядя в пустоту.

Я описала некоторые особенности самопрезентации Ираклия в повседневной жизни или, говоря словами И. Гофмана (*Goffman* 1998 [1974]: 9), его “одобряемые социальные характеристики”, которые превращают “образ Я” фактически в “личину”, поскольку, если не слишком углубляться в частные детали личности, некоторые черты оказываются обобщенными. Они позволяют увидеть в действии грузинский маскулинный этос, переосмысленный в ходе исторического и экономического кризиса 1990-х и использующий в качестве ориентиров и рамок не только “культуру утраты”, но и предшествующие нормы мужской социальности. Констанца Курро (*Curro* 2017: 157 и след.) подчеркивает, например, преемственность между традиционной культурой мужского гостеприимства и уличной культурой, на которую молодежь, по ее мнению, распространила принцип гостеприимства (в традиционном грузинском смысле этого слова).

Описанные выше общие характеристики в той или иной степени присущи большинству мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, с которыми мне довелось повстречаться. Это Малхаз (42 года), Коба и Ладос (30 и 32 года), Леван (28 лет), Важа (двоюродный брат Ираклия, 38 лет) и недавно вышедшие из тюрьмы Реваз и Каха (42 и 44 года). Некоторые женщины, как, например, Элиссо (42 года), перенимают эти черты у мужчин.

Вышеупомянутый архитектор Ника (50 лет), гнушающийся этой культурой, и тот впитал в себя некоторые ее установки, в частности щедрость. В то же время он

не отвержен безусловной мужской солидарности со своими *дзмакацеби*, да и сам этот термин употребляет редко, предпочитая ему более нейтральный *мегобари* (друг). Некоторые мужчины, как, например, Шалва и Мириан (30 и 27 лет), дистанцируются от него еще более откровенно, и для них в этом есть нечто большее, нежели желание освободиться от предписанных норм мужского поведения. На самом деле они отказываются принять своего рода постороннее вмешательство в их жизнь. Мириан, хотя и происходит из небогатой и малообразованной среды, принадлежит к меньшинству артистической молодежи Тбилиси. Безо всякой связи со своей сексуальной ориентацией (он гетеросексуал) Мириан часто повторяет: “Я – женщина, заключенная в мужском теле”. Шалва, в свою очередь, вырос в квартале, имевшем в 1990-е годы и позднее репутацию одного из наиболее криминальных. Он утверждает, что чувствует свое полное несоответствие манерам “типичных грузинских мужчин”, т.е. своих “друзей по кварталу”. Как и Ника, Шалва считает делом чести всегда оплачивать ресторанные счета – несмотря на серьезные финансовые трудности и огромные долги – и нередко иронически замечает в такие моменты: “Да, я типичный грузин, ха-ха-ха!”. Но иногда Шалва признается, что страдает от того, что он не такой, как его “друзья по кварталу”, тем более что, в отличие от Мириана, ему не удалось стать частью “модной” молодежи Тбилиси.

Подобно “знаменитым наркоманам”, о которых рассказывал Малхаз, или тем людям, о которых я только что упомянула, Ираклий почитателен по отношению к старшим, наигранно меланхоличен, услужлив, щедр и, главное, очень привязан к своим *дзмакацеби* и солидарен с ними. Этим чертам, соединяющим в себе трагическую эстетику и готовность к безоглядному самопожертвованию, соответствуют определенные нормы социальности. Сформировавшиеся в кризисные годы, последние носят императивный характер для многих обедневших грузинских мужчин. Но для того чтобы понять смысл этих “трагических” черт и природу императивности соответствующей им социальности, нужно обратиться к особому опыту переживания постсоветского кризиса грузинскими мужчинами.

Мужские страдания

На всем постсоветском и постсоциалистическом пространстве, но в Грузии – со своими особенностями, грянувший после распада СССР кризис повлек за собой крах маскулинности, который некоторые авторы обозначили как “постсоветское выхолащивание”. Его можно рассматривать как с фактической точки зрения (специфические трудности, с которыми столкнулись мужчины), так и с рефлексивной (чувство стыда и страдания, которые они испытали).

Смертность и мужская беспомощность. Антрополог Ребекка Кей использует термин “постсоветское выхолащивание” в своей книге “Мужчины в современной России: поверженные герои постсоветских трансформаций” (Кей 2006). Однако она уточняет, что соответствующие массовые представления существовали уже в советское время, в частности – в период перестройки (1985–1991). В этом она следует в русле работ, предваривших появление данного аналитического концепта (в числе прочих – *Kiblit'skaya* 2000). Антрополог Мартин Демант Фридриксен, специализирующийся на изучении грузинского общества, использует его для описания опыта “неустроенной” молодежи Батуми, третьего по величине города Грузии, расположенного на черноморском побережье рядом с турецкой границей (*Frederiksen* 2012, 2013). Социолог и демограф Софи Оманн (*Hohmann* 2015) использует термин “постсоветское выхолащивание” в рамках анализа домашнего насилия в отношении женщин в Армении и Азербайджане. При описании ситуации с “внутренне перемещенными лицами” (*internally displaced persons, IDP*), в данном случае грузинами, изгнанными из Абхазии

в период сепаратистских войн (1992–1994 и 2008 гг.), используется также понятие “травматическая маскулинность” (*Kabachnik et al.* 2013).

Конкретно этот крах выразился в росте числа самоубийств среди мужчин, “криминогенном” поведении, алкогольной и наркотической зависимости. Эти практики, вместе или по отдельности, привели к высокому уровню мужской смертности. При этом можно сказать, что в структурном плане удар был нанесен по мужским функциям отца и супруга. Стала ощущаться нехватка мужчин – в частности, такое восприятие характерно для женского дискурса. Они как бы исчезли: одни ушли из семьи, другие умерли, третьи парализованы физическим или психическим недугом. И хотя женский дискурс, как, впрочем, отчасти и мужской, несет на себе отпечаток морального осуждения, он тем не менее опирается на вполне реальные факты и цифры в том, что касается жизненного пути мужчин и их уровня смертности.

Как и в большинстве постсоветских обществ, женщины в Грузии оказались сильнее, чем мужчины, затронуты бедностью, и уровень безработицы среди них немного выше. Тем не менее большинство исследователей, как и большинство моих собеседников, признают, что мужчины и женщины по-разному реагируют на ухудшение материального положения и снижение социального статуса (*Ferry* 2015b). Находясь в поле, я могла убедиться в том, насколько широко среди мужчин распространены алкоголизм и наркомания. Так, в 24 семьях, живущих в доме, в котором я останавливалась в Кутаиси, пятеро мужчин умерли от передозировки героина, трое – от последствий алкоголизма, двое – наркоманы. Все статистические исследования сходятся в одном: именно мужчины особенно подвержены данным зависимостям. Например, в 2009 г. в Тбилиси запрещенные вещества употребляли 33% студентов и только 7% студентов (*Gamkrelidze et al.* 2010). Если исключить из этой статистики употребление марихуаны, менее отталкивающей женщин (*Ibid.*), то разрыв увеличится. А если считать не только студентов, то, возможно, он вырастет еще больше, поскольку поведенческие различия между полами менее выражены в Тбилиси, чем в стране в целом, и еще менее заметны в студенческой среде.

В контексте частого среди мужчин рискованного поведения и связанных с ним проблем со здоровьем понятны причины их более высокой смертности в сравнении с женщинами. Подобная ситуация характерна не только для Грузии. Но если мы посмотрим на изменение уровня смертности и продолжительности жизни, то увидим, что по мере роста ожидаемой продолжительности жизни грузинских женщин рос и разрыв по этому показателю между ними и мужчинами: с 6,8 года в 2001 г. он вырос до 8,9 года в 2007 г. (*Sumbadze* 2008: 98). Можно предположить, что это связано с кумулятивным и экспоненциальным эффектом рискованного поведения в указанный период времени, что не отменяет факта преждевременной смерти многих мужчин. Об этом свидетельствуют и истории наших респондентов. Отец Шалвы умер, когда тот был еще ребенком; отец Тины убит вскоре после ее рождения; отец Левана, Мишки и Маки погиб в результате несчастного случая, когда его старшему сыну был 21 год; отца Батчи унесла болезнь, когда сыну было 20; отец Гуранды скончался, когда она была подростком. Этот список можно было бы продолжить, включив в него всю сеть моих информаторов и тех рано умерших мужчин, о которых они мне рассказывали, но которые не упоминаются в этой статье – но ничего подобного не наблюдается среди женщин. Если добавить к списку утрат “социальные” исчезновения, связанные с разводами, в результате которых мужья и отцы перестают участвовать в экономической жизни семьи, а также полную или частичную утрату трудоспособности из-за болезней, становится очевидным, что мужчины и женщины по-разному переживают экономический и политический кризис в постсоветской Грузии.

Последний аргумент в пользу этого утверждения – рост уровня самоубийств среди мужчин на протяжении всего времени нашего исследования. В 1990-е годы этот показатель увеличился на всем Южном Кавказе (*USAID* 2003). С тех пор в Грузии

он вырос более чем вдвое, в то время как в остальных постсоветских странах снизился. В период с 2000 по 2014 г. общий уровень смертности в государствах СНГ сократился на 22%, а в Грузии вырос на 3,7%; что же касается суицидов среди мужчин, то их число увеличилось за эти же годы на 64,3%. Самоубийств среди женщин тоже стало больше (прирост 53,3%), однако их доля в причинах смерти остается не такой высокой (1,6% в 2000 г. и 4,4% в 2014 г. от всех смертей), как у мужчин (8,4 и 18,8% соответственно) (Georgia 2017: 37).

Реакции мужчин на кризис. Я привела все эти цифры потому, что они являются иллюстрацией бедственного положения, в котором находится мужская часть грузинского населения. К тому же эту ситуацию больше невозможно объяснить шоком от кризиса, поскольку все эти годы число самоубийств не снижается, а продолжает экспоненциально расти. Приведенные цифры подводят нас к констатации перманентности кризиса или, как минимум, сохранения и усугубления его последствий в повседневной жизни людей (Ferry 2015a). Таким образом, экономический кризис в Грузии стал глубоким потрясением для ее жителей, что особенно заметно на примере мужчин. Хотя то же самое можно сказать обо всем постсоветском пространстве, цифры свидетельствуют о том, что последствия кризиса сгладились везде, кроме Грузии. На основе этих общих констатаций, а также конкретных полевых исследований в селе Тианети, Тамар и Тинатин Зурабишвили предположили, что “женщинам удалось лучше адаптироваться... тогда как мужчины по-прежнему пребывают в апатии и депрессии” (Zurabishvili, Zurabishvili 2010: 75). Эти авторы, как и Лела Хомерики в своем докладе о гендерном равенстве в Грузии, выдвигают гипотезу о том, что “лучшая адаптивность” женщин объясняется тем, что они “чувствуют себя более ответственными перед своими семьями” (Khomeriki 2003: 32). К этой гипотезе мы могли бы добавить, что мужчины, в большей степени идентифицирующие себя со своим социальным, чем семейным, статусом, менее охотно идут на подчиненные позиции, поскольку у них отсутствует мотивация, необходимая для преодоления жизненных трудностей. Однако в данном случае нельзя с уверенностью говорить о наличии прямых причинно-следственных связей. Выдвинутые гипотезы, конечно, отчасти верны, но необходимо принимать во внимание более широкий общественный контекст кризиса гендерных ролей и неспособности мужчин экономически обеспечивать свои семьи. Одним из следствий этого и является повышенное внимание, уделяемое мужским социальным связям: феномен, существовавший и в докризисную эпоху, но наделенный новыми смыслами.

Так, две нормы поведения грузинских мужчин, существовавшие в советское время, в ситуации кризиса оказались несовместимыми по причинам как материального, так и морального характера. Прежде мужское общение сопровождалось демонстративным взаимным одариванием, регулировавшимся строгим кодексом гостеприимства и включавшим в себя, в частности, обильные застолья (*сунпа*). Отчасти благодаря этим формам общения, составляющим значительную долю их социального и экономического капитала, мужчины выполняли функцию обеспечения семьи. И хотя большинство женщин в советской Грузии, тем более — горожанок, работали, в СССР материальный достаток обеспечивался далеко не только благодаря работе. Мужское общение создавало своего рода сетевой ресурс (Lévesque, White 1999), открывающий доступ к квартирам, постам, статусам и т.п., и было, таким образом, важной частью семейной экономики. Именно в этом смысле можно говорить о том, что мужчины были основными добытчиками. В мужской социальности была и существенная символическая составляющая, поскольку оказываемые взаимные услуги, постоянно воспроизводящие эту социальность, повышали престиж каждого из участников таких взаимодействий и вписывались в систему чести и уважения (*пативи*). Потеря работы и крушение социальных статусов повлекли за собой расхождение между двумя названными нормами: мужское общение с его демонстративными взаимными одариваниями

перестало помогать обеспечивать потребности семьи, напротив, оно стало ложиться бременем на семейный бюджет, способствуя к тому же формированию саморазрушительного поведения, о котором шла речь выше. По вышеназванным причинам трудности, с которыми сталкиваются мужчины, оказались в значительной степени связанными с теми представлениями и практиками, которые парадоксальным образом позволяют им восстановить разрушенные связи. Это расхождение между нормами мужского поведения, а значит — необходимость выбирать между ними, является одной из составляющих *трагической маскулинности* и причиной глубокого надрыва грузинского мужского этоса.

Прежде чем анализировать причины, делающие мужскую социальность императивной и компенсаторной, нужно поподробнее остановиться на том, каким смыслом действующие лица наделяют дружбу (притом что она зачастую только осложняет им жизнь) и почему она считается особенно связанной с мужественностью.

Мужская дружба. Высказывания о мужской дружбе часты в речи опрошенных — Кобы, Ираклия, Левана... Я приведу одно из них, услышанное от Малхаза, в начале 1990-х уехавшего в Грецию и прожившего там 15 лет, поскольку в нем сконцентрировано нормативное содержание таких высказываний. К тому же в нем красноречиво выражена связь между мужской дружбой, мужской “природой” и кризисными обстоятельствами.

Тема взаимоотношений между мужчинами возникла в ходе интервью как бы в шутку:

Я: У тебя были проблемы с другими грузинами в Греции?

Малхаз: Да... Но так, ничего особенного, мужские дела, обычные...

Я: Стычки из-за девчонок?

Малхаз: Нет! Стычки парней!

Я: Ну да, я и имею в виду: стычки парней, но из-за девчонок.

Малхаз (смеется): Нет, я имею в виду стычки парней из-за... парней! (он и его друг долго смеются)

Малхаз (коротко и решительно): Просто обычные проблемы. Между мужчинами, и все.

Я: Что это за проблемы между мужчинами? Я не понимаю, я же женщина, объясни мне.

Малхаз (шутливо): Ты и не поймешь никогда, потому что ты женщина, а я мужчина. Тебе не понять мужской менталитет. Что ты на меня так смотришь? Хватит! (смеется)
Мы *самцы*, понимаешь.

Сжатые и немногословные ответы Малхаза, его отказ от объяснений наводят на мысль о том, что для него речь идет об очевидном. “Проблемы между мужчинами” не нуждаются в пояснениях, поскольку речь идет о категории примордиальной, простой и непрозрачной. Позже в том же интервью, когда речь зашла о 1990-х годах, он заявил, что мужчины в тот период страдали больше, чем женщины. Это утверждение станет стержнем его рассуждений о мужской дружбе:

Малхаз: Ты знаешь, не только в те годы, всегда, что бы ни происходило, мужчина страдает больше женщины.

Я: Почему?

Малхаз: Потому что мы рождены для страданий.

Я: Женщины говорят то же самое, что это они рождены для страданий...

Малхаз (суховато): Оставим вопрос открытым (длинная пауза). Больше всего пострадали мужчины, наше поколение, в этом я уверен. Потому что мы не просто страдали. У нас столько потерь и смертей в этой “войне” (он говорит о периоде в целом).

Я: Оглядываясь назад, ты думаешь, что правильно сделал, уехав в Грецию?

Малхаз: Принимаю во внимание, какая тут была ситуация, да, это было правильно. Потому что бог знает, если бы я остался в Грузии, был бы я жив сегодня или нет? Мог бы пойти по плохой дорожке. Да, думаю, мог бы...

Его друг (мрачно): Стольких... Слишком многих из нашего круга уже нет. Того война убила, того — наркотики, тот сам себя убил... Это действительно было очень, очень плохое время. И в психологическом плане тоже.

По словам Малхаза, этот контекст страданий и насилия — специфически мужской. Надо также отметить рефлексивность восприятия *трагической маскулинности* моими собеседниками. Малхаза эта рефлексия подводит к определению мужской дружбы через ее сравнение с женской. По его мнению, только первую можно в полной мере назвать дружбой:

Реальная жизнь, наша повседневность — это как минное поле. Я думаю, мужская дружба честнее, она более... я вообще скажу, что дружба — это мужское дело. Потому что мы многое должны доказывать друг другу, потому что мы — мужчины. Женщинам не нужно ничего доказывать другим женщинам. Дружба — дело мужское. Понимаешь, эту необходимость что-то доказывать создают экстремальные ситуации. Согласись, что у мужчин в жизни чаще возникают экстремальные ситуации. В тех же драках, в жизни квартала, района, в *дзмакацоба*... Не знаю, прав я или ошибаюсь, но я думаю, что мы больше созданы, чтобы пожертвовать собой. В подобных ситуациях. Сделать что-то невообразимое для своих друзей.... Наша жизнь сложнее, мы более жестоки. В нашей дружбе мы чаще противостоям опасности, чем женщины. Наша дружба более трудная. И это создает что-то особенное. Не хочу обидеть женщин, но я думаю, что дружба для нас — это святое. Даже в каждодневной жизни. Мы всегда делаем максимум возможного. Отдаем все, что можем отдать. Я доверяю тебе, ты доверишь мне. Эта *напряженность* (он выделяет это слово), в ней есть что-то очень грузинское. Не только грузинское, кавказское. Чеченцы тоже... Но дружба, я действительно думаю, что это что-то мужское.

Малхаз выстраивает прямую связь между насилием, опасностью, дружбой и мужской природой. В то же время в своей речи он разделяет период 1990-х, о котором говорит с неизменной горечью, и общий позитивный взгляд на гендерно окрашенную дружбу. Именно это дискурсивное разделение подводит нас к их аналитическому соединению. Нередко можно столкнуться как с героизацией трудных 1990-х, так и с возвышением образов мужчин. Однако в речи Малхаза и многих других дружба выходит за пределы самой этой героизации. Трудности могут укрепить ее, но она существует сама по себе, независимо от обстоятельств. Связь дружбы с мужской природой способствует восприятию ее как чего-то естественного. Именно в дружбе находит наиболее сильное выражение *трагическая маскулинность*, поскольку она коренится не только в неких обстоятельствах, но и в подразумеваемой глубинной мужской сущности. Историк Сьюзан Хорват (*Horvath 1997*) показывает, как Георг Зиммель в “Философии современности” (*Simmel 1989*) установил связь между *трагической маскулинностью* и онтологической сущностью мужественности, которая, в отличие от женственности, якобы характеризуется преодолением и “отчуждением” субъекта. Она утверждает, что Зиммель выражает здесь в философских терминах исторически и культурно обусловленную концепцию, вдохновленную немецким романтизмом XIX в. *Трагическая маскулинность*, о которой мы говорим, заимствует некоторые нормативные черты этой широко понимаемой концепции мужественности, переосмысливая их в контексте кризиса.

Последний отрывок из интервью хорошо иллюстрирует переживание дружбы как фундаментального чувства — Малхаз даже с трудом подбирает нужные слова:

Я: Так ты не потерял ни одного из друзей, хотя прожил 15 лет в Греции...

Малхаз: Нет, никого. Это благодаря нашей дружбе, нашему взаимопониманию, способности прощать, без амбиций, без своего эго. Мы просто остались такими же, как 20 лет назад, в самом начале. Это и просто, и трудно объяснить. Особенно — объяснить, что такое *дзмакацоба*. Это своего рода любовь. Между мужчиной и мужчиной.

Это невозможно объяснить. Это испытать надо, чтобы понять. Я горжусь своими друзьями. И люблю их. Знаешь, почему? Потому что они всегда остаются самими собой. Вот и все. Я могу на них положиться. Это такая дружба, которую нельзя описать словами. Ты должен это почувствовать... Я их люблю, я ими восхищаюсь. Потому что мы ничего не потеряли за эти 15 лет. Мы все те же. У нас те же проблемы, те же разговоры, те же слова. Может быть, мы прокляты. Ну и что с того? Это такое прекрасное чувство... (Интервью с Малхазом. Тбилиси, 13 ноября 2013 г.)

Подобный дискурс, тесно связывающий дружбу с предположительно существующей “мужской натурой” и их вместе — с пережитыми трудностями и насилием, свойственен не только грузинам. Его можно встретить в разных социальных и исторических ситуациях. Грузинская специфика практик мужского общения и разговоров о них заключается, во-первых, в том, что они вписываются в более широкий контекст “национального деклассирования”, а также в той структурирующей роли, которую они играют в семейных экономических отношениях. Что касается деклассирования, пережитого моими респондентами и большинством населения Грузии, я уже писала (Ferry 2018), что оно способствовало формированию таких практик дарения и такого понимания сущности межличностной связи, которые предполагают полную самоотдачу. Я также показала, каким образом переживание “новой бедности” было связано с унаследованными “аристократическими” формами общения и отношений, с их презрением к деньгам и к труду. Это наследие отчасти реально, отчасти вымышлено/мифологизировано, но в обоих случаях мужская дружба, хотя ей и придается исключительное значение, может лишь частично компенсировать кризис, и в этом ее драма.

Частичная компенсация. Описанный мною фундаментальный, императивный и естественный характер мужских взаимоотношений не должен вводить в заблуждение относительно их независимости от других социальных институтов. Необходимые, но недостаточные для преодоления последствий кризиса, они сочетаются с другими компенсационными механизмами. В русле модели Рене Жирара и размышлений Дэвида Гребера мы можем утверждать, что кризисные ситуации (по Жирару) или долги (по Греберу) ведут к стиранию социальных *различий*. Гребер указывает на то, что рыночный капитализм подчиняет финансовым неравенствам “традиционные иерархии”, семейные или политические, и заключает их в рамки формального равенства, которое предполагают долговые отношения (Graeber 2016). Для Жирара “стирание того, что различает” (курсив мой. — М.Ф.) (Girard 2009 [1982]: 23) означает “формирование толпы... способной полностью заместить собой ослабленные социальные институты” (курсив мой. — М.Ф.) (Ibid.: 21). Так же, как Гребер, Жирар выстраивает связь между социальным неравнением и насильственным характером обмена. В периоды кризиса обмены принимают характер “плохой взаимности, [взаимности] оскорблений, ударов, мести”, угрожая тем самым “разрушением [самой] системы обмена, т.е. культуры” (Ibid.: 23).

Хотя Жирар и Гребер смотрят на проблему с разных сторон: в частности, последний анализирует не только кризисные ситуации, — мы возьмем из их концепций то, что у них есть общего. Обе содержат идею размывания традиционных социальных конфигураций, которые не только определяют правила обмена, но и смягчают его насильственный характер. Однако те формы мужских взаимоотношений, о которых мы говорим, существуют в контексте ослабления социальных институтов и сформированы насилием, как внешним по отношению к ним, так и внутренним (например, уличным насилием). По своей структуре эти взаимоотношения эгалитарны, однако их эгалитарность не в полной мере идентична “формальному равенству”, о котором идет речь у Гребера, или “униформизации”, описываемой Жираром. Действительно, практикуемые в мужской дружбе проявления солидарности сами по себе суть попытка противостоять “формальному равенству”, порожденному капитализмом

(по Греберу) или анархии “плохой взаимности”, вызванной к жизни кризисом (по Жирару). Но все же равенство, существующее в группах мужчин, которые я описываю, влечет за собой принцип внутренних обменов, часто оказывающихся экономически бесплодными. Говоря конкретно, недостаток средств и их неумелое расходование не позволяют молодым людям выживать, даже объединив свои ресурсы. Чтобы их дружеские отношения могли продолжать существовать, они нуждаются в помощи жен и матерей — в первую очередь материальной, но также и символической.

К тому же и *дзмакацоба*, и формы мужского общения в целом социально “однородны”, они действуют по принципу замыкания среди “подобных” (Girard 2009 [1982]), а не соединяют различные сегменты общества между собой. Все эти обстоятельства объясняют, почему мужская социальность сама по себе не может быть ни структурирующей, ни полностью компенсаторной — ни в материальном, ни в функциональном, ни в символическом смыслах.

* * *

Мужской этос в Грузии связан как с определенной национальной гордостью, так и с понятиями чести и солидарности, наиболее ярко проявившимися после кризиса 1990-х годов. Если внешне он выражается в возвышении девиантных фигур, стиле одежды или манере держаться, то главной его внутренней составляющей является мужская дружба (*дзмакацоба*). Она приобрела особенное значение в связи с войнами, долговыми обязательствами, убийствами во имя чести, возросшей ролью мафии. Все это порождает императивные формы мужской социальности, воплощенные главным образом в определенной “уличной культуре” и принципе гостеприимства. Эти два элемента, являющиеся наследием ушедшей эпохи, сохранились, хоть и подверглись переоценке в кризисной ситуации. Напротив, идеал мужчины как гаранта благополучия и престижа семьи в той или иной мере остался в прошлом, тогда как в советское время эти качества были не менее важной составляющей мужского этоса. Отсюда различные проявления чувства стыда и одновременно преувеличенное значение, придаваемое дружбе и гостеприимству, которые сглаживают потери, наделяя деклассирование возвышенным, трагическим смыслом. Этот трагизм превращает утрату в средство конструирования новой, повышающей самооценку социальности. Мужской этос позволяет сочетать презрение к деньгам с формами общественного взаимодействия, отчасти поддерживающими престиж участников.

Эти формы взаимодействия сами по себе не могут компенсировать последствия кризиса, поскольку не встроены в единую структуру с другими сегментами общества и не обладают экономической эффективностью; тем не менее они представляют собой фундамент, на котором строят свою жизнь, коллективно переживая бедствия, грузинские мужчины. В этом смысле можно сказать, что дружба ограждает их от всеобщего недоверия, атомизации общества и угрозы постсоветского “мужского выхолащивания”.

Примечания

¹ *Дзмакацеби* (дословно — “братья-мужчины”) — термин, обозначающий близких друзей детства (больше, чем просто “друг”/*мегобари*), образующих нечто среднее между фратрией и братством (*дзмакацоба*). Существует женский аналог этих “братств” — это *дакалеби*, буквально — “женщины-сестры”. Хотя этим словом обычно обозначаются очень близкие подруги, оно тем не менее не обладает такой нормативностью и институциональной ценностью, как *дзмакацеби*.

² О влиянии мафии на грузинское общество см.: Slade 2007.

³ М.Д. Фредриксен подробно рассмотрел применительно к Грузии социальное и гендерно окрашенное значение таких проявлений меланхолии, выстраиваемых вокруг понятия “ничто” и идеологии нигилизма. Этнографическое описание этого феномена см.: Frederiksen 2013,

а его теоретическое осмысление, в частности, в терминах “веселого пессимизма”, “освобождения” и “нигилизма” см.: *Frederiksen* 2017, 2018.

⁴ О наркомании см.: *Javakhishvili, Sturua* 2006; *Gamkrelidze et al.* 2010; *Javakhishvili* 2016. Об алкоголизме: *Sturua et al.* 2010. Обобщенные данные (без гендерного разделения) по наркомании в Грузии см.: *Kirtadze et al.* 2018.

⁵ Сравнительный анализ данных по самоубийствам в Грузии от ВОЗ и Грузинского статистического агентства, а также по вероятным мотивам самоубийств см.: *Kiladze et al.* 2016.

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

- Sumbadze* 2008 – *Sumbadze N.* Gender and Society: Georgia. Tbilisi: Institute for Policy Studies for the United Nations Development Programme, 2008. <http://www.ipseng.techtone.info/files/5113/3491/5442/179-308eng.pdf>
- Javakhishvili, Sturua* 2006 – Georgia Drug Situation 2005 // Report to the United Nations Development Programme and EMCDDA by the Southern Caucasus Anti-Drug Programme National Focal Point / Eds. J.D. Javakhishvili, L. Sturua. Tbilisi: Southern Caucasus Anti-Drug Programme, 2006. https://altgeorgia.ge/media/uploads/georgia_annual_rep_2005_best_version.pdf
- Javakhishvili* 2016 – The Drug Situation in Georgia: Annual Report 2015 / Ed. J. Javakhishvili. Tbilisi, 2016. https://altgeorgia.ge/media/uploads/7_drug-report-en-2015.pdf
- USAID 2003 – Gender Assessment for USAID/Caucasus. DevTech Systems, June 2003. https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PDACG103.pdf
- Georgia 2017 – Georgia. Profile on Health and Well-Being (2017) // World Health Organization, Regional office for Europe. <http://www.euro.who.int/en/publications/abstracts/georgia.-profile-on-health-and-well-being-2017>

Научная литература

- Bourdieu P.* Questions de sociologie. P.: Les Éditions de Minuit, 2002 [1981].
- Curro C.* From Tradition to Civility: Georgian Hospitality after the Rose Revolution (2003–2012). PhD diss., School of Slavonic and East European Studies. University College London, 2017.
- Ferry M.* Exil temporel chez les migrants de retour en Géorgie post-soviétique // Temporalités. Revue de sciences sociales et humaines. 2015a. n° 22. <https://doi.org/10.4000/temporalites.3212>
- Ferry M.* Georgian Migrants in Turkey: Reconstruction of Gender and Family Dynamics // Security, Democracy and Development in the Southern Caucasus and the Black Sea Region / Eds. C.H. Stefes, G. Nodia. Bern: Peter Lang Publishers, 2015b. P. 159–182.
- Ferry M.* “Ce que nous aurions perdu”. Anthropologie de la crise en Géorgie postsoviétique, 1991–2015. PhD diss. abstract. École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2018.
- Ferry M.* Migrer et s’endetter en Géorgie: quelles sont les vulnérabilités et les prises de risques spécifiquement féminines // Les droits de l’Homme en Europe orientale et dans l’espace post-soviétique – Ligue des Droits de l’Homme. 2019. n° 31. P. 9–12.
- Frederiksen M.D.* Good Hearts or Big Bellies: *Dzmk’atcoba* and Images of Masculinity in the Republic of Georgia // Young Men in Uncertain Times / Eds. V. Amit, N. Dyck. N.Y.: Berghahn Books, 2012. P. 165–187.
- Frederiksen M.D.* Young Men, Time, and Boredom in the Republic of Georgia. Philadelphia: Temple University Press, 2013.
- Frederiksen M.D.* Joyful Pessimism: Marginality, Disengagement, and the Doing of Nothing // Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology. 2017. No. 78. P. 9–22. <https://doi.org/10.3167/fcl.2017.780102>
- Frederiksen M.D.* An Anthropology of Nothing in Particular. Ridgefield, CT: Zero Books, 2018.
- Gamkrelidze A., Baramidze L., Sturua L., Galdava G.* Illicit Drugs Use in Georgian Students; Pilot Study Rigorously Following Criteria of European School Project on Alcohol and Other Drug // Georgian Medical News. 2010. No. 3 (180). P. 39–46.
- Girard R.* Le Bouc émissaire. P.: Grasset, 2009 [1982].
- Goffman E.* Les rites d’interaction. P.: Éditions de Minuit, 1998 [1974].
- Graeber D.* Dette: 5 000 ans d’histoire. Arles: Babel, 2016.

- Hohmann S.* Violence domestique dans le Caucase du Sud. Les exemples de l'Arménie et de l'Azerbaïdjan // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2015. Vol. 46 (2). P. 105–142.
- Horvath S.* Philosophie au masculin? Georg Simmel et les images de la virilité à l'aube de l'ère nazie // *The European Legacy*. 1997. Vol. 2 (6). P. 1011–1030. <https://doi.org/10.1080/10848779708579833>
- Kabachnik, P., Grabowska M., Regulska J., Mitchneck B.A., Mayorova O.V.* Traumatic Masculinities: The Gendered Geographies of Georgian IDPs from Abkhazia // *Gender, Place & Culture*. 2013. Vol. 20 (6). P. 773–793. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2012.716402>
- Kay R.* *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd., 2006.
- Khomeriki L.* Gender Equality in Post-Soviet Georgia // *Building Democracy in Georgia: Human Rights in Georgia*. 2003. Discussion Paper 6. P. 28–35. [http://georgica.tsu.edu.ge/files/01-Politics/Democratization/IDEA-2003%20\(6\).pdf](http://georgica.tsu.edu.ge/files/01-Politics/Democratization/IDEA-2003%20(6).pdf)
- Kibliiskaya M.* “Once We Were Kings”: Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* / Ed. S. Ashwin. L.: Routledge. P. 90–104.
- Kiladze L., Lezhava G., Gadelia E.* Analysis of Some Epidemiological Rates of Suicide in Georgia // *Georgian Medical News*. 2016. No. 6 (255). P. 77–81.
- Kirtadze I., Otiashvili D., Tabatadze M., Vardanashvili I., Sturua L., Zabransky T., Anthony J.C.* Republic of Georgia Estimates for Prevalence of Drug Use: Randomized Response Techniques Suggest Under-Estimation // *Drug and Alcohol Dependence*. 2018. Vol. 187. P. 300–304. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2018.03.019>
- Lévesque M., White D.* Le concept de capital social et ses usages // *Lien social et Politiques*. 1999. No. 41. P. 23–33. <https://doi.org/10.7202/005148ar>
- Simmel G.* *Philosophie de la modernité. La femme, la ville, l'individualisme*. P.: Payot, 1989.
- Slade G.* The Threat of the Thief: Who Has Normative Influence in Georgian Society? // *Global Crime*. 2007. Vol. 8 (2). P. 172–179. <https://doi.org/10.1080/17440570701362398>
- Sturua L., Baramidze L., Gamkrelidze A., Galdava G.* Alcohol Use in Georgian Students; Pilot Study Rigorously Following Criteria of European School Project on Alcohol and Other Drug // *Georgian Medical News*. 2010. No. 2 (179). P. 52–61.
- Zurabishvili T., Zurabishvili T.* The Feminization of Labor Migration from Georgia: The Case of Tianeti // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2010. Vol. 2 (1). P. 73–83.

Research Article

Ferry, M. The Culture of Loss and Tragic Masculinity in Post-Soviet Georgia [Kul'tura utraty i tragicheskaiia maskulinnost' v postsovetskoii Gruzii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 161–176. <https://doi.org/10.31857/S086954150009608-8> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Maroussia Ferry | <https://orcid.org/0000-0002-5816-6682> | maroussia.ferry@gmail.com | École des Hautes Études en Sciences Sociales (2 rue de la Charité, Marseille, 13002, France)

Keywords

Georgia, male friendship, male ethos, hospitality, street culture, street violence, tragic masculinity, culture of loss, *dzmak'atcoba*

Abstract

The post-Soviet crisis in Georgia brought about the growth of street violence and the spread of alcoholism and drug addiction. It was the men who turned out most vulnerable in the face of these issues. The “culture of loss”, which was characteristic of the underprivileged part of the Georgian society and became the building block of interpersonal ties, expressed itself most saliently in re-thought masculinities where human problems were elevated in significance, men's fates were seen as tragic and heroic, and male friendship was raised to the rank of social necessity. The crisis entailed changes both in family life and in household economy – changes which in turn could not have occurred without a

revision of principles and moral orientations setting and legitimizing gender roles. This article focuses specifically on the male ethos and its “tragic” dimension in post-Soviet Georgia. I discuss the changes that the male ethos underwent by taking the cases of those who are thought of as “regular Georgian men”. I examine the particular facets of their personality that were shaped in response to the social and economic hardships of the 1990s, which significantly affected men. Finally, I address the issue of male friendship as a form of social bonding that conforms particularly well to the ethos of tragic masculinity.

References

- Bourdieu, P. (1981) 2002. *Questions de sociologie* [Sociology in Question]. Paris: Les Éditions de Minuit.
- Curro, C. 2017. From Tradition to Civility: Georgian Hospitality after the Rose Revolution (2003–2012). PhD diss., School of Slavonic and East European Studies, University College London.
- Ferry, M. 2015. Exil temporel chez les migrants de retour en Géorgie post-soviétique [Temporal Exile among Migrants Returning to Post-Soviet Georgia]. *Temporalités. Revue de sciences sociales et humaines* 22. <https://doi.org/10.4000/temporalites.3212>
- Ferry, M. 2015. Georgian Migrants in Turkey: Reconstruction of Gender and Family Dynamics. In *Security, Democracy and Development in the Southern Caucasus and the Black Sea Region*, edited by C.H. Stefes and G. Nodia, 159–182. Bern: Peter Lang Publishers.
- Ferry, M. 2018. “Ce que nous aurions perdu”. Anthropologie de la crise en Géorgie postsoviétique, 1991–2015 [“What We Would Have Lost”: Anthropology of the Crisis in Post-Soviet Georgia, 1991–2015]. PhD diss. abstract, École des Hautes Études en Sciences Sociales.
- Ferry, M. 2019. Migrer et s’endetter en Géorgie: quelles sont les vulnérabilités et les prises de risques spécifiquement féminines? [Migrating and Going into Debt in Georgia: What Are the Vulnerabilities and Risk-Taking Specifically for Women?]. *Les droits de l’Homme en Europe orientale et dans l’espace post-soviétique – Ligue des Droits de l’Homme* 31: 9–12.
- Frederiksen, M.D. 2012. Good Hearts or Big Bellies: *Dzmk’atcoba* and Images of Masculinity in the Republic of Georgia. In *Young Men in Uncertain Times*, edited by V. Amit and N. Dyck, 165–187. New York: Berghahn Books.
- Frederiksen, M.D. 2013. *Young Men, Time, and Boredom in the Republic of Georgia*. Philadelphia: Temple University Press.
- Frederiksen, M.D. 2017. Joyful Pessimism: Marginality, Disengagement, and the Doing of Nothing. *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology* 78: 9–22. <https://doi.org/10.3167/fcl.2017.780102>
- Frederiksen, M.D. 2018. *An Anthropology of Nothing in Particular*. Ridgefield, CT: Zero Books.
- Gamkrelidze, A., L. Baramidze, L. Sturua, and G. Galdava. 2010. Illicit Drugs Use in Georgian Students; Pilot Study Rigorously Following Criteria of European School Project on Alcohol and Other Drug. *Georgian Medical News* 3 (180): 39–46.
- Girard, R. (1982) 2009. *Le Bouc émissaire* [The Scapegoat]. Paris: Grasset.
- Goffman, E. (1974) 1998. *Les rites d’interaction* [Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior]. Paris: Éditions de Minuit.
- Graeber, D. 2016. *Dettes: 5 000 ans d’histoire* [Debt: The First 5000 Years]. Arles: Babel.
- Hohmann, S. 2015. Violence domestique dans le Caucase du Sud. Les exemples de l’Arménie et de l’Azerbaïdjan [Domestic Violence in the Southern Caucasus: Armenia and Azerbaijan]. *Revue d’études comparatives Est-Ouest* 46 (2): 105–142.
- Horvath, S. 1997. Philosophie au masculin? Georg Simmel et les images de la virilité à l’aube de l’ère nazie [Male Philosophy? Georg Simmel and the Images of Manhood at the Dawn of the Nazi Era]. *The European Legacy* 2 (6): 1011–1030. <https://doi.org/10.1080/10848779708579833>
- Kabachnik, P., M. Grabowska, J. Regulska, B.A. Mitchneck, and O.V. Mayorova. 2013. Traumatic Masculinities: The Gendered Geographies of Georgian IDPs from Abkhazia. *Gender, Place & Culture* 20 (6): 773–793. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2012.716402>
- Kay, R., 2006. *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd.
- Khomeriki, L. 2003. Gender Equality in Post-Soviet Georgia. *Building Democracy in Georgia: Human Rights in Georgia* 6: 28–35. [http://georgica.tsu.edu.ge/files/01-Politics/Democratization/IDEA-2003%20\(6\).pdf](http://georgica.tsu.edu.ge/files/01-Politics/Democratization/IDEA-2003%20(6).pdf)

- Kiblitckaya, M. "Once We Were Kings": Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia. In *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, edited by S. Ashwin, 90–104. London: Routledge.
- Kiladze, L., G. Lezhava, and E. Gadelia. 2016. Analysis of Some Epidemiological Rates of Suicide in Georgia. *Georgian Medical News* 6 (255): 77–81.
- Kirtadze, I., D. Otiashvili, M. Tabatadze, I. Vardanashvili, L. Sturua, T. Zabransky, and J.C. Anthony. 2018. Republic of Georgia Estimates for Prevalence of Drug Use: Randomized Response Techniques Suggest Under-Estimation. *Drug and Alcohol Dependence* 187: 300–304. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2018.03.019>
- Lévesque, M., and D. White. 1999. Le concept de capital social et ses usages [The Concept of Social Capital and Its Uses]. *Lien social et Politiques* 41: 23–33. <https://doi.org/10.7202/005148ar>
- Simmel, G. 1989. *Philosophie de la modernité. La femme, la ville, l'individualisme* [Philosophy of Modernity: The Woman, the City, the Individualism]. Paris: Payot.
- Slade, G. 2007. The Threat of the Thief: Who Has Normative Influence in Georgian Society? *Global Crime* 8 (2): 172–179. <https://doi.org/10.1080/17440570701362398>
- Sturua, L., L. Baramidze, A. Gamkrelidze, and G. Galdava. 2010. Alcohol Use in Georgian Students; Pilot Study Rigorously Following Criteria of European School Project on Alcohol and Other Drug. *Georgian Medical News* 2 (179): 52–61.
- Zurabishvili, T., and T. Zurabishvili. 2010. The Feminization of Labor Migration from Georgia: The Case of Tianeti. *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 2 (1): 73–83.